

ПЕСНИ КРОВИ

Наталя Торук

Наталья Торик

Песни крови

«Издательство Ивана Лимбаха»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Торик Н.

Песни крови / Н. Торик — «Издательство Ивана Лимбаха», 2020

ISBN 978-5-00170-105-7

«Песни крови», вторая книга современной писательницы, члена Союза писателей России Натальи Торик, – повесть и несколько рассказов, объединенных темой кровных уз и непредсказуемых путей наследственности. Как передаются из поколения в поколение черты лица и характера, жесты и поступки, повороты головы и повороты судьбы? Как отражаются судьбы родителей в судьбе ребенка? Какой сплав образуется, когда семейными узами связывают себя люди из разных социальных слоев или из разных народов? Не угадаешь, не предскажешь: бесконечно разнообразны комбинации, которые создает судьба, за ними можно лишь благоговейно наблюдать. Торик следует традициям классической русской женской прозы. В ее житейских историях нет «сенсационности», нет попыток завлечь и удержать читателя любой ценой; но есть доверительная интонация, любовь к своим героям и приглашение задумчиво и доброжелательно взглянуть в их жизнь. «Песни крови» – книга из тех, от которых становится теплее.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-105-7

© Торик Н., 2020
© Издательство Ивана Лимбаха, 2020

Содержание

Албанское танго	6
Песни крови	9
«Его по морде били чайником и научили танцевать»	16
«На теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Наталья Юрьевна Торик
Песни крови
Повесть, рассказы

© Торик Н., текст, 2020

© Гринберг (Гаврилина) Ф., предисловие, 2020

© Федчина А., иллюстрации, 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

Албанское танго (О книге Натальи Торик «Песни крови»)

Существуют такие совсем простые, но удивительно точные в своей простоте тексты. Одним из таких текстов навсегда стало для меня знакомое с детства «Албанское танго»!

Мы тоже были счастливы когда-то,
Любили мы, а разве это мало?
Пришел другой, но я не виновата,
Что я любить и ждать тебя устала...

Книга прозы Натальи Торик напомнила мне эти милые слова. Наверное, потому, что повесть, открывающая эту книгу, пронизана песнями – простыми, застольными, эстрадными, ставшими народными. Называется книга «Песни крови» – по названию главного произведения – этой повести, автобиографической, вероятно; но имеются в виду отнюдь не кровавые драки, так называемые разборки, нет, имеется в виду институт семьи, истории людей, связанных кровными и семейными узами. Книга Натальи Торик – это человеческие судьбы, изложенные языком разумным, грамотным и правильным, как домашнее рукоделие, которым испокон веков занимались женщины.

Да, истории, рассказанные Натальей Торик, – это именно женские истории; в этих историях мужчина выступает именно в том качестве, в той роли, которая необыкновенно важна для женщины: это мужчина-муж, мужчина-возлюбленный, мужчина-отец. Содержанием его жизни становится любовь; он любит; любит жену, любит возлюбленную, любит детей... Или не любит!..

В Священном Писании есть такое понятие: «малые сии». Кто это? Это простые, во многом наивные люди; и на нашей планете таких людей большинство. И эти люди нуждаются в хорошей правильной духовной пище, нуждаются – не побоимся этого слова – в воспитании. Кто же должен (опять-таки не побоимся этого «должен») учить и воспитывать малых сих, простых людей? Конечно, прежде всего, писатель, литератор. Отнюдь не каждому читателю доступна чрезмерно усложненная современная проза. Именно поэтому авторы, подобно Наталье Торик, искренне и честно несущие нелегкую ношу воспитания большинства читателей, разъяснения, что такое хорошо и что такое плохо, настоящие герои нашего времени!

Само слово «воспитание» органично включает в себе другое насущное для людей слово – «питание». И потому отнюдь не случайно возникает в повествовании Натальи Торик тема застолья – застолья, где находится место и родным по крови, и вошедшим в семью, и друзьям. Здесь девичьи, девчоночьи голоса припоминают простые песни с простой и вечной моралью, с извечными женскими чувствами:

«На одной и той же стадии застолья все, как-то вдруг и сразу, вспоминают про его жену. Она скромно жмет к своему раскрасневшемуся от самогона мужу, собирая крошечки салата „Мимоза“ со своей тарелки. Ее тарелка всегда почти пуста. В семье Капитолины мальчика явно не учили ухаживать за девочками. Тонкая и звонкая, почти девчушка, жена прячется за спиной здоровяка до тех пор, пока кто-то первым не прокричит: „Верочка, пой!“»

И Верочка поет. Не имея права голоса в семье, только за этим столом она солирует голосом раненой птички, чистым и тонким.

На теплоходе музыка играет,
А я стою одна на берегу,

А я стою, и сердце замирает,
И ничего поделать не могу...

Впрочем, Наталья Торик отнюдь не склонна лакировать, что называется, действительность. Не пережив измены мужа, покончит с собой певунья Верочка... Но пока звучат головами девочек правильные песни:

«Песня кончилась. Не пеняйте вы,
Что у ней был печальный конец.
Мужа вы себе еще встретите,
А дитям он неродный отец».

Запутавшаяся в сетях современного бытия Ната и монолитная родоначальница, прагматер Ксения – два основополагающих женских характера. Как быть, как жить, как лучше? – извечные вопросы; особенно важные для женщины, ведь по жизни она отвечает не только за себя, но и за своих детей!..

А что же мужчина?

И вот возникает образ отца, настоящего отца:

«Сегодня утром он нес свою Нату в детский сад „семимильными шагами“. В этих „семимильных шагах“ вся его отцовская сущность. Большинство советских родителей, с их вечным недосыпом и хронической депрессией, тащили на рассвете детей за руку в сад, не обращая внимания на их нытье и жалобы на колики в боку. Юра придумал специально для случаев цейтнота „семимильные шаги“. Опаздывая, он берет Нату за талию, приподнимает и переносит несколько метров, аккуратно опуская на землю».

И Ната будет бережно хранить в паспорте, в документе, удостоверяющем ее личность, давнюю фотографию, на которой отец держит ее, новорожденную, еще спрятанную в конвертик...

И звучат и звучат за простым семейным столом простые правильные песни. Песни о радости и грусти, о счастливом начале и печальном конце. Не бывает бессмертных монолитов, тихо уйдет Ксения, почти утратив разум и все же никому не досаждая. Праматерь растворится в своем потомстве, и потомство понесет ее черты дальше и дальше.

Женская тема развивается и в рассказах Натальи Торик.

Вот новый тип женщины, такую Ксения уж точно не могла бы себе вообразить:

«Ей уже тридцать пять. Она по-прежнему очень красива. На фотографиях. Живот плоский, в нем никогда никто не жил, ни дети, ни бабочки. Она уже несколько раз бывшая: „модель“, „вице-мисс“, „победительница телевизионного шоу“, „любовница депутата“, „звезда эскорта“. Триста пятьдесят тысяч подписчиков – ее наследство от всех этих статусов. Каждый день она придумывает красивые позы, списывает красивые фразы. Чтобы оплачивать съемную квартиру, намазывает крема, чистит в кадре зубы, крутится в дешевых платьях и расхваливает отвратительную пищу в итальянском ресторане. В ее личном бюджете доминирует экономический инструмент девяностых – „взаимозачет“: в ванной складированы новые упаковки кремов, шампуней, постельного белья. В ящике комода накопилась пачка сертификатов на полеты на воздушных шарах, депиляции и тайские массажи».

Это безрассудно растрачивающая силы в погоне за недостижимой вечной молодостью «Девочка, живущая в сети», чья жизнь происходит, по сути, уже не в сугубой реальности, но в том самом виртуальном пространстве.

А вот Оксана, безумно любившая и фактически убившая своего отца.

Вот изумляется мать, услышав, как сын назвал свою жену смешным словечком «пупс», ведь так когда-то давно называл ее его отец, сын не мог этого знать!

«Сын собирает осколки стекла от разбитого бокала, а она думает о том, что семейные ветви иногда уходят далеко за горизонт памяти. И по наследству передается не только цвет глаз, но даже слова».

А простые женские мысли, мысли матери могут быть очень глубокими:

«Однажды я была в отпуске на море с двумя своими подрастающими детьми и мамой. Вдруг, на фоне радостных визгов и шума утреннего моря, я поймала момент. Знаете, один из тех, когда смотришь в одну точку, отдаваясь от реальности? Я вдруг осознала, что сейчас, в эту минуту, и в предыдущую, и в следующую, я создаю детство своим детям. То, которое они будут потом вспоминать, то, от ошибок которого будут, быть может, избавляться, то, по образу и подобию которого или, наоборот, вопреки, будут воспитывать и своих детей. Все знакомые мне люди делятся две большие категории: на тех, кто мстит своим детям за свое детство и кто старается не сделать так, как было у него».

И снова и снова разворачиваются перед нами простые судьбы: мать – дочь, бабушка – внучка, Сергей – Маша, русский – чеченец... Как воспитывать? Как учить жить? Какой девочкой вырастет твоя дочурка – хорошей, идеальной или той самой плохой, которую все равно любят? Кто любит? Конечно же, мужчины, те самые мужья, отцы и сыновья, которые так важны для женских судеб.

Фаина Гринберг (Гаврилина)

Песни крови

Повесть

В поисках корней личности по генетической памяти

Семейные застолья – неотъемлемая часть детства каждого советского ребенка. Это сейчас есть бранчи и ланчи в ресторанах на любой вкус, караоке с профессионалами на бэк-вокале. Люди все реже собираются дома. Сложно представить, что «праздник» – это двадцать человек в однокомнатной хрущевке. Если бы не воспоминания детства целого поколения людей этой страны...

Окраина сибирского городка, серая пятиэтажка, магазин «Юный техник» на первом этаже. Каждый ребенок, неважно, мальчик или девочка, посещающий этот район, мечтает, что ноги понесут родителей именно сюда, за приобретением долгожданного алюминиевого конструктора из планок с отверстиями под болтики. Ведь из него можно бесконечно долго мастерить замысловатые конструкции экскаватора или легкового автомобиля с пошаговой инструкцией, отпечатанной на глянцевой бумаге. До «Лего» – еще целое поколение и десять тысяч километров, разделенных железным занавесом.

Пятый этаж, дверь из крашеной ярко-желтой ДСП, с номером пятьдесят шесть.

День рождения, Пасха или Первое мая. Повод значения не имеет. Форма праздника в этой квартире, как и по всей стране, одна: холодец с горчицей, тазики салатов, вареная картошка с тефтелями, фирменные голубцы, самогон, трехлитровые соленья и, конечно, застольные песни. С петровских времен до недавних пор эта традиция сохранялась повсеместно. Ни Наполеон, ни Гитлер, ни Сталин, ни Горбачев не убили в народе стремление к объединению душ во время пения. Для выживания людям необходимо было ощущение единства и соборности, присущее русскому национальному сознанию, возможность коллективного самовыражения. Все это делало жанр застольной песни любимым в каждом маленьком доме большой страны. Как говорил один русский писатель-драматург: «Песня – душа народа. Загубишь песню – убьешь душу». А что еще, кроме души, было у людей того поколения? Разве что искалеченные судьбы.

Хозяйка дома – Ксения. Женщина советского раннего пенсионного возраста. В чертах лица еще сохранились следы былой красоты. Ботулотоксин еще не вошел в массовое употребление, и косметология ограничивается огуречными масками и ромашковыми отварами, так что к пятидесяти пяти годам глубокие морщины нарисовали у Ксении на лице несмываемое выражение вечного холода. Когда-то, в девичестве, она носила красивую фамилию Лалетина. Ксения Лалетина. Родись в девятнадцатом веке, могла бы рассчитывать на завидную партию из знатного рода каких-нибудь Оболенских или Вертинских. В ее время происхождение фамилий больше ничего не значит.

Про таких женщин в советском обществе принято говорить с глубоким уважением: «Она умеет „держать лицо“». Это позже психотерапевты будут учить целые поколения российских великомучеников выпускать из внутренней тюрьмы свои эмоции и страхи, «проговаривать» трагедии и отпускать ситуации. В культуре, где живет Ксения, лицу не разрешается плакать, тем более отражать скорбь, уныние или отчаяние. Все это непозволительная для ее жизни рос-

кошь. Как давно она научилась «держатъ лицо» – уже и не вспомнить. А точнее, непонятно, было ли когда-то иначе.

Ее отец был бригадиром в горнорудной шахте Приморского края, и однажды его бригаду завалила осыпавшаяся горная порода. Он остался жив. Один из всей смены. Однако в его судьбе эта случайность не стала счастливой. Он винил себя, что выжил, и эта вина очень скоро съела его изнутри. Через год он повесился во дворе собственного дома, записав склонность к суициду в генетический код большинства своих потомков. Дома, в таежной глубинке, он оставил жену и семерых детей. Ксюша, которой тогда только что исполнилось семь, каждый день с рассветом вставала на табурет, сделанный перед смертью отцом, и готовила еду на братьев, сестер и маму, которая мыла золото на местном прииске, чтобы хоть как-то прокормить себя и детей.

Сейчас Ксении почти пятьдесят шесть, а волосы до сих пор сохранили детскую мягкость и природный каштановый оттенок. Они просто как будто немного выцвели, и аккуратно уложенный низкий пучок покрылся тонким инеем седины. Жизнь долго и сильно давила всей своей тяжестью на это тело. В какой-то момент спина перестала быть натянутой струной: лопнула, сначала обмякла, а потом застыла в согнутом состоянии, уже навсегда.

Сегодня Ксения хлопочет «по хозяйству» в ожидании гостей, близких по крови и географическому расположению. Для некоторых из тех, кого она сегодня ждет, из ее сердца тонкой струйкой все еще сочится любовь, что когда-то была в ней горячим ключом...

Первая любовь Ксении случилась далеко от этой квартиры, на малой родине, в приморском городке Уссурийск, всемирно известном своими краснокнижными тиграми. В городе эти хищники тогда были бытовым явлением. В очереди за свежим молоком из бочки соседи частенько обсуждали, что опять «повадились тигры за собаками по дворам». А сейчас люди по всему миру создают фонды в разной валюте, чтобы сохранить этих полосатых разбойников.

Ксения училась на товароведа («специалист по ретейлу», как бы сейчас написали в резюме выпускники того учебного заведения), ее жених, Валентин, служил в армии.

Пожились, его перевели служить в поселок Славянку, ту самую, из одноименного вальса победителей. Именно этот вальс сегодня, тридцать лет спустя, она наверняка попросит сыграть на засаленном баяне своего первенца Юрочку. Юра родился в бухте Славянского залива и впитал навсегда вместе с вальсом любовь к холодному морскому воздуху своей родины.

Через несколько лет, уже в Сибири, куда мужа в очередной раз перевели на службу, появился второй сын, Володя.

В Сибири Валентин уволился из армии, и Ксения вместе с мужем стала работать на ремонтно-механическом заводе. В их жизни появился Коллектив со своей иерархией: начальство, итээровцы (так называли инженернотехнических работников) и рабочие. Ненасытный зверь Коллектив жадно хотел все и всегда знать, обсуждать и осуждать. С восьми утра и до пяти вечера Ксения и Валентин жили в новой большой семье, со своими порядками, событиями и эмоциями. Отдушиной дневной жизни были короткие дружеские беседы в столовой с теми, кто назывался приятным словом «коллега». Это было единственное свободное время без осуждающих взглядов высшего руководства.

В столовой не было меню, и от этого рождалось ощущение маленького праздника. Что «Бог послал» или начальник продовольствия привез в больших баках, люди узнавали, только стоя в очереди с голубым в крапинку пластиковым подносом. Манная каша – настоящий праздник для женской половины завода. Беляши – радость рабочим. Как только весть о них разлеталась по заводу, каждый цех отправлял в столовую гонца за порцией «на всех». Запивали деликатес молоком, выписанным «за вредность». Руководство страной почему-то тогда решило, что молоко нивелирует последствия того, что человеческий организм каждый день вдыхает металлическую пыль и сажу и глохнет от воя станков. Столовая была единственным местом,

где рабочие были важнее итээрцев. Те обедали позже и тем, что останется. В общем, беляши им доставались редко.

Вот в такой атмосфере советского коллектива муж Ксении завел «служебный роман», но не такой, какой случился в одноименном фильме, а плотский и прозаический, с молодой Любаней из отдела снабжения.

Ксении опять пришлось совершенствовать свой навык «держать лицо». Каждый день ходить на работу, улыбаться товарищам по цеху, стоять в очереди с подносом в столовой, делая вид, что все хорошо и нормально. Валентин же не умел держать ни лицо, ни другие части тела. Они с Любаней использовали все подсобные помещения для удовлетворения своей похоти, игнорируя осуждающие взгляды Коллектива. Через год изменник с молодой любовницей сбежал на Кавказ, в окрестности Черкесска.

Одному Богу известно, какими усилиями Ксения сосредоточилась на воспитании сыновей и смогла сохранить им и себе привычную заводскую и бытовую жизнь, вычеркнув из нее красным карандашом отца своих детей.

Его счастье, кстати сказать, было не долгим. Романтика первого года быстро прошла, молодую любовницу надо было кормить, поить и развлекать... А не то она пойдет развлекаться сама. И пошла. Новые черкесские поклонники Любани решили избавиться от соперника средневековым способом. После традиционного для всех времен и народов мордобоя в одном из дворов его посадили на кол. Нет, он не умер, но черкесы добились своего, интерес к Любане он потерял.

Искалеченный Валентин написал письмо своему отцу с просьбой забрать его и вернуть домой. Какой дом он имел в виду? Тот, которого у него на тот момент уже не было. Перед бегством этот самый дом он продал. Деньги отдал молодой любовнице, отправив бывшую жену, Ксению, с двумя детьми скитаться по съемным квартирам.

Валентин приполз на коленях к Ксении. Не от раскаяния, а от физической боли. Ползти было больше не к кому. Атеистка Ксения с христианским прощением приняла его и выхаживала. «Я не могу отказать ему в еде» – все, что отвечала она на многочисленные расспросы Коллектива.

Умер Валентин в пятьдесят три. Травмы, полученные во время дуэли с кавказскими джигитами, мутировали в рак кишечника. Скончался в маленькой комнате соседской заброшенной халупы. Из ее окон был виден дом, который он потерял.

Пятьдесят три. Позже этого возраста еще долго будет бояться их старший сын Юра, думая, что не переживет отца. Однажды уже взрослая дочь спросит Юру: «Пап, а тебе отец в детстве когда-нибудь пел? Какая у него любимая песня была?» Юра посмурнеет и задумается: «Не припомню песен его, зато хорошо помню, как он кричал на мать, ну и во время пьянки, слушая материны романсы, пытался за ней что-то там подвывать».

Внучка Валентина Александра, которую он так и не увидел, назовет своего сына его именем. Валентинчик вырастет высоким, красивым, мягким и добрым – и, как бы реабилитируя имя деда, с детства будет верно и нежно дружить только с одной девочкой из соседнего двора.

«Его по морде били чайником и научили танцевать»

С лестничной площадки слышится визгливый женский голос с интонацией истеричного назидания. Ксения уже догадалась, кто будет первым гостем. Не дождавшись звонка, она открывает дверь тучной женщине и шуплому мужчине, который, отдуваясь, волочится сзади. Баба Капа с мужем. Так называют эту гостью внучки Ксении.

Капа работает в ресторанном тресте. У нее длинные рыжие волосы, которые она искусно заматывает в высокий пучок на макушке. Завитки выбиваются из прически и обрамляют круглое лицо, пытаясь создать образ добродушной пампушки. Но с этой функцией они явно плохо справляются. Есть во внешности Капитолины что-то зловещее. Как ни старается она выглядеть доброй толстушкой-поварихой – сразу видно, что на деле совсем не такова. При взгляде на нее не отпускает ощущение, что стоит тебе остаться с ней наедине – и эта тетя превратится в Горгону Медузу и высечет тебя своими щупальцами.

Однако в контексте застолья она «душа компании» и «королева холодца». На мясистых мочках всегда висят увесистые серьги из сусального золота в форме перевернутого кокошника, вносящие в ее колоритный образ цыганскую нотку. Сегодня, как и всегда, за столом она будет исполнять сольную арию под аккомпанемент гармонии мужа Владимира. Если верить теории, что в песне выражается личный взгляд человека на жизнь, то Капа смотрит на жизнь через призму текста: «Его по морде били чайником и научили танцевать». Через двадцать лет в голове повзрослевшей внучки Ксении, Наты, случится когнитивный диссонанс. В один момент своей жизни она случайно узнает, что оригинальным исполнителем песни Капы является Владимир Высоцкий. Ната долго не сможет понять, как одни и те же слова могут петь такие разные люди. Ей захочется вернуться в детство и воспользоваться методом самой Капы, которым она страшила детей: вымыть ей рот с мылом и строго-настрого запретить не то что вслух, но даже про себя произносить стихи великого Высоцкого!

Капа сыграла важную роль в жизни Ксении. Может быть, единственную, оправдывающую ее присутствие в судьбе хозяйки дома и на сегодняшнем застолье.

Через несколько лет после предательства мужа Ксении встретился замечательный человек. Точнее, именно Капитолина помогла ей с ним встретиться. Статный, усатый, честный и добрый кубанский грек Илья, двоюродный брат мужа Капы.

Ксения влюбилась. «В таком возрасте – и такая любовь!» – говорил все тот же вечно голодный до сплетен Коллектив. Он занес ее на руках в свой большой дом, полюбил ее детей и только что появившихся внучек. На закате своей женской красоты она наконец нашла человека, который по-настоящему заботился о ней. Официально они так и не зарегистрировались. Она кормила его чебуреками и вареньем из виктории (именно так называли и продолжают называть сибиряки землянику). Он баловал девчонок подарками и, теребя усы, рассказывал по вечерам байки из своей бурной молодости.

Иногда так хочется, чтобы человеческая судьба была сказкой. «И жили они долго и счастливо, и...» Но нет, они не умерли в один день.

Однажды утром Илья Иванович пошел в погреб во дворе этой самой пятиэтажки, где сейчас стол ломится от угощений. Банку своего любимого варенья он так и не достал – погиб от взрыва застоявшейся извести... Любовь Ксении прожила всего три года. А потом она опять «держала лицо», на похоронах и чуть позже, перед старшим сыном Ильи, который запретил ей появляться в их загородном доме, сказав, что ей здесь делать нечего – его отцу она была «НИКТО».

«На теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу»

На другом конце стола сидит генетическое продолжение Капы, ее тридцатилетний отпрыск. Сыночек вырос при маме, в сытости и достатке, что отразилось во всем его внешнем виде. Он никогда не поет, но всегда пьет и много ест. Здоровый детский румянец с годами осел на его щеках багровыми пятнами. Всем своим тучным телом он облокотился на стол и высматривает самые лакомые кусочки, побольше да посочнее.

На одной и той же стадии застолья все, как-то вдруг и сразу, вспоминают про его жену. Она скромно жмется к своему раскрасневшемуся от самогона мужу, собирая крошечки салата «Мимоза» со своей тарелки. Ее тарелка всегда почти пуста. В семье Капитолины мальчика явно не учили ухаживать за девочками. Тонкая и звонкая, почти девчушка, жена прячется за спиной здоровяка до тех пор, пока кто-то первым не прокричит: «Верочка, пой!»

И Верочка поет. Не имея права голоса в семье, только за этим столом она солирует голосом раненой птички, чистым и тонким.

На теплоходе музыка играет,
А я стою одна на берегу,
А я стою, и сердце замирает,
И ничего поделать не могу...

Кажется, что хрусталь в мещанском шкафчике Ксении вот-вот начнет мироточить от пения Верочки.

Дети выползают из укрытия, услышав ее голосок. Они безошибочно признают в ней «своего человека». Им кажется, что она поет только для них. Взрослые продолжают жевать и чокаться хрустальными рюмками, а ребятишки, открыв рот, пытаются впитать каждый звук ее голоса.

И маленькая Ната впитает его навсегда. Всю последующую жизнь, стоит только раздаться этой песне – невзирая на окружение и обстоятельства, по повзрослевшим щекам ее будут бежать слезы.

«Все можно пережить, если подобрать нужную песню», – любил повторять Курт Кобейн. Наверное, Верочка выбрала не ту песню... Спустя год после этого застолья Верочка повесится. Ее сломает измена мужа. В хрупком теле Веры не окажется ни сил, ни веры для сопротивления жестокой реальности. Она оставит мужу- прелюбодее двух маленьких детей.

А когда теплоход ускоряет свой ход,
Все того, что не сбудется, ждут.
Первый снег в городке, первый лед на реке,
Я к тебе по нему не дойду.
Я к тебе по нему не дойду.

«В одном городе жила парочка, муж – электрик, жена – счетовод.»

Совмещенный санузел Ксениной квартиры сегодня выполняет функцию гримерки. Две маленькие девочки репетируют домашний спектакль. Простыня служит занавесом. Цветастые платки Ксении – костюмами. Статуэтки и сувениры из Ялты, изъятые из серванта, – реквизитом представления. Особенно аккуратно рекомендовано обращаться с гигантской ракушкой, покрытой перламутровым лаком для ногтей.

Саша и Ната, внучки Ксении, старшая от младшенького, младшая от старшенького, растут хорошими девочками во всех отношениях. В их семьях есть старшие сестра и брат, с которыми уже происходят какие-то события – проявления характеров, случаи, поступки...

Ключевые события в жизни обоих сыновей Ксении будут всю жизнь странным образом запараллелены. Сейчас они оба женаты вторыми браками на женщинах с детьми. У Саши и Наты где-то есть еще одни старшие сестра и брат от первых браков отцов, но эта тема на всю жизнь выйдет за периметр всех семейных праздников, обсуждений «на людях» и «при детях». Ксения пытается как-то заботиться о старших внуках, принимать участие в их судьбе, но в конечном итоге они навсегда пропадут без вести из ее жизни и жизни их отцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.